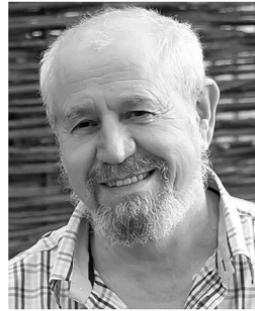

Владимир Эйснер

ВСЕ ОТТЕНКИ КРАСНОГО

СИЗИГИЙНЫЙ¹ ОТЛИВ

Hunger und Liebe regieren die Welt...

Любовь и голод правят миром...

F. Schiller

Ночью утих западный ветер, всю неделю прижимавший льды к берегу. Вызвездило, и пал мороз. А под утро – вот оно, долгожданное! Тяжелый удар и низкий гул от рухнувшей в воду колоссальной стены торосов. Начался отлив.

Промысловая избушка на островке посереде бухты вздрогнула и откликнулась вибрацией всех своих звонких, крепких бревен. Охотники-промысловики, спавшие на нарах, на стульях и просто вповалку на полу, зашевелились.

– Па-адем, ребята! – зычно заорал старшой на льду, Савельев.

– От-т злодей, не дал «вторую серию» досмотреть! Только она стала раздвигаться – на тебе, заблажил!

Шутника, однако, не поддержали. Кто-то уже брякнул спичками, зажег свечу и керосиновую лампу на подоконнике. Не чаевали – время не терпит. Похватав оружие, по одному выскакивали во двор. Уже светло, мушку видно. Иван Данилов, мужик аккуратный, карабин у него, как скрипочка, – в футляре, торопился пристрелять его на протоптанной с вечера дорожке в сто метров. Как всегда, он ворчал, кляня конструкторов, упрятавших стекла в алюминиевый тубус. А ствол стальной. Разный, мол, температурный коэффициент. Как мороз, так по новой пристреливать. Каждый раз два-три патрона сжигаешь, а их и так всегда не хватает...

Впрочем, не у всех оптика. А у кого есть, не все пристреливают. У большинства, как у того Левши, «просто глаз пристреливали».

Истомившиеся от долгого безделья люди быстро, по два-три человека, впрягались в лямки плоскодонных лодок-припаек и тянули их сквозь торосы на край трещины. Благо, море открылось на этот раз всего в трехстах метрах от избушки.

Сергей Давыдов, новичок на припае, и старый охотник Михаил Кушаков тоже подтянули свою лодку на край ледяного бруствера.

¹ Сизигийный – наибольший прилив-отлив, бывает дважды в месяц.

Черная молния трещины курилась густым туманом. Справа и слева она терялась в торосах, а прямо перед охотниками росла и ширилась на глазах, плюясь мелкими льдинами и снежным крошевом. Тут и там на воде появлялись футбольные головы нерп, всплывавших глотнуть воздуха.

Защелкали малокалиберки, захлопали «Барсы», бабахнули короткие кавалерийские карабины и тяжело грохнули охотничьи «девятки». Кто к какому оружию привык или кому какое досталось на складе.

Выстрел. Маслянистый круг крови на воде у головы убитой нерпы. Стремительно летит в воду плоскодонка-припайка. Два-три гребка. Удар крюком. Туша надежно подвешена за край лодки. Теперь, продавливая нарастающий ледок, – назад, к напарнику. Тот помогает вытащить добычу на лед и вновь вскидывает винтовку, выжидая.

Часа через два нерпичье стадо, распуганное выстрелами и шумом, откочевало на другой берег трещины, уже едва различимый в тумане.

Перекур. Кто зажигает сигарету, кто припас термос с чаем. К таким подбегают «остограммитесья» или просто погреть руки о горячую кружку. Идет разговор на всякую тему, но только не о главном: кто сколько добыл, кто мазал-шляпил, кто нет, кому больше везло, кому меньше. До конца дня нельзя об этом: удачу спугнешь.

Через какое-то время подошло второе, не такое многочисленное стадо нерпы. Этим животным, чтобы сделать вдох, приходилось уже продавливать носом тонкий серый ледок.

Неожиданно Кушаков подал напарнику бинокль:

– На-ка, глянь... плывут, как торпеды! Ветер кровь нанес. Ну, будет потеха!..

От другого края трещины сюда, под пули охотников, плыл какой-то продолговатый кусок льда. Поправив резкость, Сергей различил на молодом льду голову медведя. За ней в чистой воде, как в кильватере ледокола, плыла еще одна голова, поменьше. Добравшись до этого берега трещины, медведица выпустила черные когти, в два прыжка одолела ледяной барьер и отряхнулась. Вслед за мамашей то же самое проделал и небольшой медвежонок-пестун.

Не обращая никакого внимания на крики людей и выстрелы из ракетниц, животные, обезумевшие от вида и запаха пищи, бросились к ближайшей куче убитых тюленей и пустили в ход когти и зубы.

Нерпы эти были добычей Матфея Черенкова и Володи Самохвалова, того самого любителя «многосерийных снов». Черенок продолжал пускать ракеты, сквернословил и был вне себя от злости. Не будь запрета на отстрел белых медведей, он, конечно, уложил бы обоих зверей на месте.

– Ну, что ты стоишь?.. Гони их, гони! И на хрен мне такой напарник! Вмиз всю зарплату сничтожат, проклятые!

В горячке он подбежал к медвежонку шагов на десять, и тот сразу прыгнул навстречу пищевому конкуренту и зашипел, вытянув трубочкой черные губы.

– Да не тронь ты их! Хоть и малой, а врежет лапой – не очухаешься, – отвечал напарнику Самохвалов, тоже новичок на льду. – Нехай жрут, вишь, оголодала семейка, одни «шубы» остались.

Животные и в самом деле были до крайности истощены и больше походили на борзых собак, чем на белых медведей. Не то что ребра пересчитать – даже позвонки хребтов и узлы сухожилий четко проступали под обледеневшими шкурами.

– Ну как – не тронь? Как – не тронь? Подарок им? Пусть сами добывают – на то зверье... Да стегани ж ты ее!

– Как это «стегани»? – не понял Самохвалов.

– Н-ну, чтоб пуля под шкурой прошла. Сразу уйдет – дело проверенное!

– Ты что – у меня «девятка»? Мне же и отвечать потом, если что...

Подошел Савельев.

– Надо, парни, отвадить зверей, а то прикормятся – всю работу спортят.

Он взял у Володи карабин и выстрелил медведице под живот. Тяжелая пуля рванула лед. Было видно, как осколки льда ударили зверя по ногам и по брюху. Ноль внимания!

– Вот! Ну как с ними? Ни ракета ей, ни что... Эх-х...

Черенков сдернул с плеча свой «Барс» и прицелился так, чтобы пуля прошла по касательной к телу зверя. Хлопнул выстрел. На крутом заду медведицы взлетела шерсть и быстро закапала черная кровь... Медведица рывкнула, схватила себя зубами за большое место и заспешила прочь, но тотчас вернулась, оттеснила пестуна от недоеденной нерпы и увела его за собой, в торосы.

Тюленей, конечно, распугали. Охотники стали грузить добытых нерп в сани, уезжать с припая. Кушаков и Давыдов тоже увезли свою добычу (восемь тушек) в сарай и сложили там штабелем.

В избушке охотники чаевали. Каждый выложил на стол, что жена собрала в дорогу: сушеную и копченую рыбу, вареную оленину, картошку, сало, яйца. Выбор небогатый, зато много!

Распаренный чаем, Черенков продолжал жаловаться на свое невезение. Надо ж, именно к их добыче кинулись голодные медведи! А ведь всего-то десяток добыто. А вот Пашков – тот двадцать три успел... А за прошлый месяц, за весь месяц на льду и морозе всего три тюленя отстреляно. На двоих! Как жить, чем семью кормить? А этот «пускай жрут» говорит! Свое и отдавай, а раз вместе нажито, вместе и защищать надо, так или не так?

Ему вяло поддакивали, разговор не шел.

Не в силах выносить нытья этого враз опостылевшего ему человека, Сергей вышел из избы и вновь побрел на припай.

Медведи были на месте. Звери грызли и вылизывали пропитанный кровью лед... Завидев человека, медведица зарычала на пестуна и увела его за собой, в синюю мглу торосов. С красным пятном на заду она заметно хромала. Черенков «стеганул» от души. На льду, там, где грызли медведи, осталось несколько ямок. Если бы смести со стола всю оставшуюся снедь, как раз бы наполнились...

Февральский день закончился, и море медленно погружалось в серый кисель сумерек. Трещина дымилась уже только отдельными полыньями – «окнами». Завтра можно будет охотиться у самых окон, если все не сотрет в мелкое крошево сизигийный прилив.

КРАСНЫЙ ДЕНЬ

Красногрудая гагара – это перелётная водоплавающая птица величиной с крупную утку. Перепонки у неё на лапах тоже вполне утиные, а клюв как у вороны.

Если утки и гуси вытягиваются в струнку во время полёта, то гагара опускает голову, выгибает шею и похожа на летящий рыболовный крючок.

Заметив человека, обязательно сделает над ним круг с частым: «Так-так-так! Так-так-так! Так-так-так! – и добавит гортанное: – Га-гаррра-а, га-гаррра!» Мол, я тебя вижу! В общем, известит всех обитателей тундры о твоём присутствии.

И если ты в этот момент скрадывал оленей, – только хвостики увидишь!

У этой птицы красная полоса на горле, красные, как ягоды калины, глаза без век и острый, как шило, клюв. Ноги у неё растут из спины, ходить по земле она не может, даже ко гнезду выползает на брюхе и спускается в воду по продавленному в куче сухой травы лотку.

Если же ей вздумается встать во весь рост, то выгибает шею и поднимает голову, опять напоминая крючок.

Рыбак решил, что это утка, которой немножко не повезло в жизни, но зато она таким изогнутым образом умеет сообщить всем о своей профессии рыбакова.

Короче – коллега.

Кормятся гагары на больших озёрах, а гнездятся на малых. Во время брачных игр гагарский селезень часто жалуется на судьбу: «Вы-и-и-вих! Вы-и-и-вих! Вы-и-ивих!» И его можно понять: глядя на изогнутую буквой «зю» невесту с ногами, растущими из спины, свихнуться недолго.

Джентльмена от джентльменши в этом странном народе можно отличить только по толщине шеи: мужик всё же больше «сала» ест.

Не все гагары обладают могучим интеллектом. У многих напряжёнка с памятью. Забывают вчерашний день и ПОВТОРНО попадают в сети. В общем, всё как у людей.

Выбирать гагар из сети надо со всем вниманием, ибо так и целят ударить клювом в глаз!

Поэтому рыбаки выпутывают гагар, ухватив их за шею.

Освобождая одного такого невнимательного «товарисча», Рыбак обратил внимание на его затылок, вытертый тетивой сети, и вспомнил, что уже видел эту характерную потёртость несколько дней назад.

– Что же ты, паря, по второму-то разу влип?

«Паря» молчал и косил на человека злым красным глазом.

«Лицо этого джентльмена не было обезображено интеллектом», – вспомнился Рыбаку Марк Твен.

Убедившись, что голова и шея свободны, пленник без лишних слов пробил парню клювом кожу на руке.

– Не злись, а потерпи! Сейчас тебя освобожу, но больше не попадайся! Ты же трясёшь сети, распугиваешь рыбу, не даешь мне выполнить план! Директор рыбозавода меня наругает. Имей совесть, не мешай работать! Озеро большое, места хватает!

Рыбак слизнул кровь на руке, осторожно выпутал птицу, крепко потрёпанную от борьбы с сетью, и положил её в лодку: пусть оклемается.

А сам отвернулся, через борт перегнулся и стал пробегать руками по сети, выбирая рыбу. И вдруг невольно вскрикнул от жгучей боли: коллега всадил свой шилоклюв прямо в его туго обтянутую джинсами ягодицу.

– Ах, ты!..

– Вы-и-ывих! Вы-и-вих! – бессовестный победно глянул на Рыбака и надул щёки.

– Это у тебя вывих! Вместо спасибо – удар в задницу!

В сердцах Рыбак выкинул «коллегу» из лодки.

Но гагарин и не думал удирать. Подплыв к борту, он так ударил в него клювом, что «ляминь» загудел.

– Врёшь, не возьмёшь! Прыгать ты не умеешь! – зажимая правой рукой ранку, Рыбак левой сделал коллеге длинный нос.

И показал ему язык!

А парниша вдруг понял, что ничто его больше не держит. Мигом развернулся и – ляп-ляп-ляп-ляп! – зашлёпал перепонками по воде, набирая скорость. Взлетев, сделал круг над озером и с торжествующим: «Га-гар-пра, га-гар-пра! Так-так-так! Так-так-так!» – пролетел над лодкой.

Чтобы не оставаться в долгу, парень погрозил неприятелю кулаком.

На этом его злоключения в ту ночь закончились. Из-за сильного хода рыбы Рыбак был вынужден проверять сети через каждые пять-шесть часов, спал урывками, вскоре «спутал ночи и рассветы» и стал работать ночью. Так удобней: стихает ветер, растекаются облака, открывается небо, солнце висит в три ладони над горизонтом и шлёт каждой живой клеточке тихий волшебный свет.

В последней сети была всего одна рыбина, но зато какая!

Кумжа² икряная, крокодилина большая!

А какая у кумжи икра?

А икра у кумжи красная!

А икра у кумжи крупная!

А икра у кумжи штучная: каждая икринка с горошину!

Всю добытую ранее рыбу Рыбак тут же на берегу пошкерил-посолил, в бочку уложил, а килограмма два «рыбьих яиц» от кумжи поместил в стеклянную трёхлитровую банку, которую для всякого случая возил с собой.

Закончив дела, уложил рюкзак и похромал домой. Но не берегом пошёл, а напрямик, лесом. Хорошо идти лесом вдоль берега озера: пахнет рыбой и свежим листом.

А лес на семьдесят третьей параллели эт-то что-т-то!

Травы, цветы и грибы выше деревьев!

Карликовая ива, ольха и берёза не достают тебе до колен, и ты чувствуешь себя Гулливером в стране лилипутов.

А чи это уши поверх леса мелькают?

А это зай-зайка зайчиха. Забегала, заспешила, зайчаток заигравшихся засобира!ла!

Стараяешься обойти стороной гнёзда гусей, уток и куличков и видишь, что они уже не разбегаются в страхе, как в первые дни.

Ты стал своим.

Чувствуешь на полуприкрытых веках тёплый солнечный луч и сознаёшь, что и светило тебя приняло, что ты вовсе не царь природы, как мнилось раньше, а лишь один из многих, и это совсем не огорчает.

Дома Рыбак первым делом смазал ранку буро-красным йодом и заклеил её кирпично-красным лейкопластырем, удивляясь, почему это аптекари всегда делают ошибку в этом слове: вместо «клеякопластырь» пишут «лейкопластырь»?

«Тоже мне грамотеи!.. А щё в белых халатах ходють!»

² Кумжа – озёрный лосось. Попадаются экземпляры в 6-7 кг и более.

Рассуждая таким образом, он постирал штаны и повесил их сушиться на ветру.

Очистил от плёнок и посолил икру, напёк свежих лепёшек, заварил чаю и пошёл на улицу пировать.

Хорошо завтракать горячей, розово-красной лепёшкой с толстым слоем оранжево-красной икры на ней и запивать эту вкуснятину коричнево-красным чаем!

Хорошо сознавать, что за твоей спиной спокойно сидят на гнёздах три краснозобые казарки³ и чувствовать исходящее от их горячих тел домашнее, уютное, печное, инфракрасное тепло!

Хорошо, утвердив здоровую половину седалища на светло-красном лиственничном чурбане, штопать штаны, зашивая дырку от клюва красногрудой гагары, и вспоминать приключение!

Хорошо слушать песню варакушки, ярко-красное зеркальце на груди которого так и бьётся, так и прыгает в такт его бодрым коленцам, и чувствовать отклик собственного сердца!

Красный – значит красивый. Пре-красно устроил тундру Всевышний!

УРЭР – СЛАБЫЙ ШАМАН

«Вечерний звон, вечерний звон...»

Из песни

В середине августа созрела морошка.

При буровой вышке в тундре возник стихийный рынок: оленеводы стали привозить марангу, как называют эту ягоду коренные жители Ямала.

Сварщик Савва Чусовой купил лукошко северной малины у черноглазой ненки, попробовал и зажмурился: вкусно-о-о!

Товар она привозила на лёгких саночках, которые тянули две большие собаки. А жила рядом: верхушка её чума виднелась за ближней горкой.

По-русски изъяснялась коротко, предпочитала «харасо» и «да-да-да».

– Тебя как зовут, красавица?

– Мань нюм Еля! – скуластая тундровичка мило зарделась, но смотрела с вызовом.

– Савва! – и стукнул себя кулаком в грудь, как некогда Миклухо-Маклай у папуасов, полагая, что так будет убедительней.

– О-о-о! Савва? Сава! Сава-хасава! – Еля повторила имя с разными интонациями, но слов не хватало, и она замолчала, разглядывая сероглазого чернобородого мужчину.

Впечатлённый Чусовой стал покупать только у Елицы, и заметил, что и она выделяет его среди других.

Однажды утром он обнаружил, что Еля стоит рядом и наблюдает за его работой.

– Ань дóрова, Савва!

³ Краснозобая казарка – маленький тундровый гусь. Очень красивый и редкий, занесён в Красную книгу.

– Дóрова-дóрова, Еля! Не смотри, глаза обожжёшь!

– Ниет! Виремя чуть?

– Что у тебя?

– Вот, – протянула картонку с рисунком печки-буржуйки.

Чусовой покрутил обрывок так-сяк.

– Вообще-то могу, но жести нет.

– Как ниет?! Ести жести! – указала рукой на бочку.

– Хм-м!.. – сварщик не раз видел, как олениводы изготавливали печурки для чумов из старых железных бочек.

После работы он сварил аккуратный камелёк на ножках и съёмную трубу из трёх колен, чтоб высоко и тяга лучше.

– Пасиба. Лакамбой⁴... – и задержала свою руку в его руке.

– Погоди. Надо же установить печку, трубу вывести и закрепить. Мужики в твоём чуме есть?

– Ниету мусики.

– Одна, что ли, живёшь?

– Одна живёсь...

Новая буржуйка гудела как ураган, но благодаря отсекателю пламени и заслонке позволяла экономить дрова, что Еля сразу же оценила и благодарно глянула чёрными раскосыми глазами.

За чаем из листьев княженики Чусовой пытался разговорить хозяйку, задавал вопросы и жестикублировал, Еля отвечала односложно, однако обмена мнениями не получилось.

Попрошавшись, сварщик продолжал стоять у входа в чум и переминаясь с ноги на ногу. На западе горел закат, первые звёздочки перемигивались с огнями буровой вышки, которая оторвалась от тундры и висела на подоле неба как пришитый колокольчик, слегка покачиваясь над полосой тумана. Большая жёлтая Луна тихо стояла над миром.

Вспомнилось, как уже будучи в третьем классе, никак не мог правильно прочитать название книги для взрослых.

«Что за парень этот Поком и почему звонит?»

Решив, что в заголовке опечатка, заменил первое слово на слышанное от старших. Получилось: «Обком звонит в колокол».

«По ком звонит колокол, – улыбнулась тётенька библиотекарь, – это Хемингуэй, рано тебе ещё, мальчик».

Но почему же сейчас так ясно слышен вечерний звон? Не сама ли тётушка судьба говорит бронзовым языком, предупреждая о крутом повороте?

Накормив собак, Еля подошла и встала рядом.

Объяснила: когда очень холодно, Луне тоже холодно. Но есть небесный шаман Урэр, он бьёт в бубен у неё на животе, пляшет и поёт, и оба согреваются, ведь вдвоём теплее, чем одному.

– Это так... – Савва нашёл руку Елицы и сжал горячие пальчики.

Разве бывает вторая молодость?

Ещё как бывает!

⁴ Лакамбой – до свидания (ненецк.).

По моховой тундре идут мужчина и женщина. И держатся за руки. Даже когда собирают морошку, держатся за руки. Наполняют туеса, лукошки и ведёрки; много ягоды берут.

Кругом море грибов, хоть косой коси. И всё больше крепкие, мордастые белые. Мужчина так и вскидывается, но женщина, улыбаясь, удерживает его: грибы не едят. Грибы – это «жирок», лакомство олень. А надо ли человеку есть, что животные едят?

Вот и озеро. Женщина садится в лодку и выбирает рыбу из сети. Зелёных щук выбирает, золотистых карасей, горбатых муксунов.

Белая рябь от суконной паницы качается в синей воде, чёрные косы плывут на волне, мокрые вёсла, кусты и пески – всё облитое закатным маслом, густо облитое закатным маслом, оранжевым, как ягода маранга.

А каков ненецкий язык!

Лето – «та». Озеро – «то». Огонь – «ту». А ночь – «пи».

– Ночь – «пи»? Ну, вот ещё! Число пи – это три целых четырнадцать сотых! – не моргнув глазом, сообщает сварщик.

– Ниету сотых. Устанесь – спись как лемминг: пи-пи-пи!

Рыбак называется смешным словом «ёртя». А рыбачка – «ёртя-не».

– Значит, женщина – «не»?

– Да-да-да.

– Ну, вообще-то так. По сравнению с мужчиной женщина часто «не».

– «Да» тоже бывает, – смеётся она.

– А как по-вашему «солнце»?

– Хаер. Сонце – женчина.

– О-о-о!

– Как весна – все светит, все гуляет, все рожаит – женчина!

– Вот вы – оленные люди. Как по-вашему «олень»?

– Олень? Олень – «ты»!

– Я – олень?

– Ты – олень! – и смеётся до слёз.

– Н-ну!..

– Вот смотри! – наклоняет к себе веточку ивы и откусывает прутик.

Рисует на песке собачку с пышным хвостом и поднятой в стойке лапкой.

– Песец?

– Ниет! Тёня – лися это!

И рисует рядом оленя. Рогатого рисует быка.

– Ты – олень это! Домасний олень это.

– А-а-а!.. Теперь понял! А дикий олень?

– А дикий – илебць. Жизнь, значит. Нет олень, нет жизнь.

– А сколько лет твоей жизни?

Она смотрит на закат и чертит на песке. Ровненькие цифры 8 и 3 стоят рядом и держатся за руки.

– Не может быть! Ты в школу ходила?

– Один зима и немножька.

Он берёт из её руки палочку и рисует 38.

– Наверно, так?

– Так... А твой илебць?

Рядом с первым числом появляется 43.

Она бросает палочку в воду, и течение уносит её.

Была и сплыла.

Теребит чёрные волосы на виске и вытаскивает из-под косы небольшую прядь. В ней блестят белые нити. Прикладывает прядь к прошитой серебром бороде мужчины и смотрит ему в глаза.

– Оба-два!

– Так! – он крученный поясок на панице распускает. Её руки вверх взлетают, застёжки на воротничке открывают, и медовый вечерний луч смуглую шею обнимает.

В столовой нефтяников появилось постоянное третье блюдо: «Чай и ягоды от Елицы». Сначала это была морошка, потом пошли голубика, брусника, княженика. Любители экзотики налегали на варенье из лапок лиственницы.

Савва перешёл жить к Елице. После работы, прихватив с собой ведро с остатками еды для собак, он спешил «за бугор». Возвращался утром к началу смены.

– Паря! Дак ты совсем очумел, однако, – заметил ему бригадный остро слов, Евгений Назаров, – не пора ли фамилии на Чумовой поменять? Сорок три тебе – самый бес в ребро!

Чусовой рассмеялся и показал ему кулак. Кому какое дело до вдовца и вдовы?

– Удивляюсь на тебя, Саввыч, ведь с ней поговорить не о чем. Смотрел как-то заголовок газеты минут десять читала.

– Читать я и сам могу. Еля – Женщина!

– Да ну? Как-то не заметил.

– Какие твои годы? Подрастай! К вечеру научишься. Если...

Савва и Еля наслаждались спокойной семейной жизнью. О детях речь не заходила. Лишь однажды, заметив у Елицы в коробочке для шитья странные колокольчики, сварщик спросил, зачем они.

Она достала из сундука детскую малицу и показала нашитые на рукава бубенчики. Как могла, объяснила: это чтобы дитя не пропало в лесу. Убедившись, что всё правильно понято, обняла его и тихонько, с милым акцентом, пропела не однажды слышанную по радио песенку, заменяя отсутствующие в ненецком языке звуко сочетания на привычные:

Спи, мой варобысек, спи, мой сыночек,

Спи, мой званоcek радной!

Стали наезжать гости. Приехала дочь Елицы с молодым человеком. Убедились, что молва идёт верная: мужчина мамы не пьёт, не курит, не скандалит. Хорошо бы и дальше так.

Навестила Елицу и подруга, почтальонша Аннушка. Объяснила, что имя Еля можно перевести как «пришедшая с надеждой», «сава» – хороший, а «хасава» – мужчина.

В конце сентября приковывали оленеводы. Стали забивать оленей и менять мясо на продукты.

Савва увидел, что ненцы не режут оленей, а душат их. И не удержался от крепкого слова. Но ему объяснили, что кровь оленя – жизнь человека. Великий Нум, сотворивший всё сущее, не велит выливать кровь на землю – это грех.

На ужин Еля подала ароматное вареное мясо, но Савва, перед глазами которого стоял дёргающий копытами поваленный олень, выскочил на улицу: его чуть не вырвало.

Вскоре буровиков стали перевозить на другую точку. Савва напил дров и сказал, что будет писать.

В середине «тёмного месяца» Еля пришла к Аннушке, поведала, что писем не было, что дрова заканчиваются, а снег глубокий и надо бы это...

Аннушка внимательно глянула на подругу и пододвинула ей стул. Поджала губы: сама напишет, всё напишет, как есть, и передаст письмо с пилотами, и пусть ему будет стыдно!

Гостья обрадовалась: если с пилотами, то вот немножко юколы, и вот колокольчик, который пришивают детям на одежду, и вот пакет из плотной бумаги, плотная бумага лучше.

В письме были упрёки.

Савва скомкал его и сжёг. «Не давите на совесть!»

Но едва щёлкнул по бубенчику ногтем, как услышал гудение тетивы лука из далёкого детства, когда играли в казаков-разбойников, увидел бегущих в лесу детишек с пришитыми на одежду колокольцами и уловил вечерний звон.

И давняя картина вытеснила недавнюю: удушение оленя, из-за которой не стал писать женщине.

Древний народ, часто живший на грани голодной смерти, придумал и способ сохранить любую крупицу еды.

«Елица! Прости меня и погоди чуток!»

Еля шла по лесу на лыжах, по летним изобильным местам, где вместе сладкую ягоду брали бабьим летом, срубала и увязывала на санки сухостой. Над ней через всё небо пролегла лыжня Великого Нума, шаман Урэр бил в бубен на луне и полыхал Северный Огонь.

Вдруг Алто⁵ резко развернул сани, так что Сеек⁶ запуталась в постромках, и залился лаем: вдали звенел мотор, жёлтый свет мелькал в лесу.

И жаркий барритон прорезал мёрзлую стынь:

– Еля-а! Еля-Елица-Елена-а-а!

– Ах! – как удар в грудь.

Упала на колени и ударила кулаками по сугробу. Проломив корку наста, стала осыпать вспыхнувшее лицо рыхлым снегом и растирать щёки.

Но горячие дорожки всё текли и текли, и тогда она встала и протянула вперёд руки:

– Савва? Савва! Са-ва? Сава-а-а...

Нет! Это не шаман Урэр бьёт в бубен на луне, это «обком» звонит в колокол.

⁵ Алто – Чёрный.

⁶ Сеек – Сердечко. Так часто называют собак с белым пятнышком на груди.

ЛИСТВЕННИЦЫ КАК ОНИ ЕСТЬ

Poems are made by fools like me,
but only God can make a tree.

Сделать стих я тоже смог,
но сделать дерево – лишь Бог.

Джойс Килмер

От белых снегов мыса Челюскина, от черных скал Ая-Бырранга, от великого синего озера Таймыр бегут твои олени на юг. Все время к югу и юго-востоку, и все чего-то не хватает глазу в бурой холмистой тундре. Но вот снова блеснула впереди большая вода и на ней – мачты океанских кораблей. Это матушка Хатанга–река, каждую навигацию переносит она на своей спине грузы для северян.

Теперь резко на юго-запад, вдоль левого берега, пока не упрёшься лбом в семьдесят третью параллель – границу между лесом и тундрой. А вот и они, те, кого не хватало глазу в твоём путешествии.

Темными группками сбегают с холмов пушистые лиственнички с яркими стрелками молодой хвои на концах ветвей и свежеотлакированными красными шишечками на макушках.

Худы и тонки эти первые посланцы тайги. Не выше человеческого роста и не толще лыжной палки. Крайние деревца сильно повреждены: кора лохмотьями, поломанные веточки плачут жёлтой смолой.

Осенью лопается шкурка на вызревших пантах диких северных оленей, высвобождая молодые, гибкие, еще с кровью, рога. Рога эти чешутся, и олени трутся о деревца, причиняя им боль и раны.

Но не дано нам слышать друг друга. Как ты не слышишь стонов раненого тобой оленя, так и олень не слышит воплей погибающей лиственницы... Но не все деревца засохли, не все погибли. Если сохранился на стволе хоть кусочек неповрежденной коры, обязательно есть с той стороны и зеленая ветвь!

Всего месяц, только месяц в году растет это чудо–дерево. И все успевает: на сантиметр вырастет вверх, на волосок вширь, заложит новые почки на зиму, и вызреют семена.

Спускаешься еще на полста километров к югу и юго-западу, и вот вдоль реки, пока только вдоль реки – у воды теплее – пошел настоящий лес. Но теперь лиственнички, а это все еще лиственнички, становятся толщиной с мужскую руку и ростом до семи метров. И все меньше растут они группками, а всё больше разбегаются поодиночке, людей посмотреть, себя показать. И каждая одевается на свой лад и у каждой свой характер.

Вот стройная красавица с густой хвоей и симметричными ветвями. А перед ней тоненькая школьница, вся вытянулась навстречу идеалу и согласно кивает вершинкой. Бедняжка! Так и останется на всю жизнь однобокой, с ветвями, повернутыми в одну сторону.

Вот пышная барыня средних лет, высокая и надменная. Важно, с достоинством качает она тяжелыми ветвями под восторженный шепот соседок, но сивый старческий мох уже прошел её юбку.

Вот согбенная старушка. Извините, не старушка, а просто досталась девушке квартира на склоне оврага. Зимой заносят её сугробы, а тяжелые весенние снега согнули ствол в колесо. Отвернулись от неё подружки, презирая за уродство, но она молчит и знает, что придет к ней долгожданный принц в образе пастуха-оленевода. Глянет и ахнет неожиданной удаче и сделает из её согнутого тела, необычайно прочного от постоянных лишений, отличные полозья для нартов. И увидит она кочевые стойбища и костры, услышит смех детей и лай собак. Блеснет перед ней игла огня из дула карабина, и наедут полозья на свежую оленью кровь. А товарки разве что на дрова пригодятся.

Вот еще одна с поломанной вершиной. Так густо разрослась – хоть шалаш устраивай.

Вот другая, раскидистая, как тот дуб у Лукоморья. Под ней пастушок-долганин читал Пушкина, и дерево наслушалось сказок.

Вот под кроной зеленой мамы рассыпались лиственнички в новых костюмчиках, вот молодой боец держит упавшего товарища, вот вповалку лежат поваленные жестоким хиусом, но все они зеленеют уцелевшими ветвями и все тянутся вверх, к свету!

А вот еще печальней картина: растут три подружки над берегом ручья, и одна из них наклонилась в падении. Но нижний сук ближайшей подружки делает отстраняющий жест. Что ж. У людей тоже так. Падающего толкни.

Чем ближе к поселку, тем больше больных, искалеченных тракторами деревьев. Но если у такой калеки кора ободрана не вкруговую, обязательно есть на здоровой стороне и свежая зеленая ветвь.

А это что за странное деревце? Одна половина у него зеленая, другая – черная. Определяешь страны света. Так и есть: высохшая кора и почерневшие ветви указывают на север.

У одну из особенно суровых зим мороз и ветер сожгли, уничтожили северную сторону дерева и его вершину. Но корень, укрытый снегом, уцелел, южная, подветренная сторона выжила и весной оградила погибшую часть от здоровой широким пухлым рубцом.

И – не гниет лиственница! Через несколько лет выгнало деревце новую вершину, выросли на ней крепкие шишечки и посыпались в багровый мох новые семена. И вот уже кругом полно детей, и зеленые внучата проклюнулись между черными отмершими ветками.

У него, у него учиться тебе мужеству и стойкости, у маленького тонкого деревца!

Подходишь к месту катастрофы: от сильного дождя обвалился большой участок глинистого берега. Деревья, большие и малые, лежат на песке. Наклоняешься посмотреть. Да, корни оборваны, но песок влажный, и хвоя в последний раз зеленеет. И жизнь продолжается. Один корень облюбывал себе для убежища заяц, под другим свила гнездо трясогузка, под третьим отдыхают куропатки. Под поникшими кронами видишь вдруг синие ягоды голубики и брызги красной смородины. Конечно, тела этих обреченных унесет весной в океан, в Лету беспощадный паводок. Но пока они живы, они стойко выполняют

свое назначение – расти и зеленеть, давать приют усталым путникам и укрывать собою малых сих.

Дальше на юг не стоит спускаться. Там уже настоящая тайга. Там появляются ель и берёза. Там такие лиственницы – шапка падает! Но тебе всех милее эти стойкие, крепкие деревца Страны Маленьких Палок, бескрайней лесотундры Таймыра. Нигде в мире, только здесь, сомкнувшись в плотные семьи-куртины, вклиниваются они в Арктику до семьдесят третьей параллели. И в полярную ночь и в мороз первыми принимают на себя удар хиуса, злого северного ветра.

Всего месяц, только месяц в году растёт твоя лиственничка. И все успевает. Вызреют шишки, нальются силой почки, на сантиметр вырастет она вверх, на волосок вширь и никому света не застит. А ты все ли успел, что наметил на день, на год, на жизнь?

«...Прости, – сказала она, – я полюбила другого».

И ушла, уехала, исчезла. Из твоего дня, ночи, жизни. И дочь тебе оставила.

Отпусти же ее из мыслей и сердца. Пожелай им многая лета и здоровых детишек. Смотри – твоя лиственничка залечила рану смолкой, там рядом набухли крупные почки, а весной появится новая веточка.

Остановись возле зелёной дикарки, положи руку на темную шершавую кору, ощути движение древних соков и неукротимую волю к жизни, вложенную Создателем в это чудо-деревце. Пожми колючую зелёную лапку. Есть на свете лиственница, нет повода для отчаяния!

Владимир Иванович Эйсер родился 1 января 1947 года в селе Ново-Александровка Москаленского района Омской области. Окончил испанский факультет Пятигорского пединститута. Работал учителем в деревне, охотником-промысловиком на острове Диксон, метеорологом на мысе Челюскина. Участник многих экспедиций в российском секторе Арктики.

Печатался в изданиях «Neues Leben», «Дальний Восток», «День и ночь», «Сибирские огни», «Дон», «Российский колокол», «Палеомир», «Крещатик», «Подвиг», «Юность», «XXI Век», «Венский литератор», «Florida-Rus», «Золотой Пегас», «Портфолио» и др. Лауреат премии им. Ю. Рытхэу (2002), финалист литературного конкурса «Ясная Поляна» (2016), победитель международного литературного конкурса «Север – страна без границ» (2012) и ряда других конкурсов. Автор трёх книг прозы. Живёт в Германии.

